



Серебряный век породил в России огромную плеяду талантливых, честных, неординарных молодых литераторов, которые больше жизни любили свободу и готовы были отдать жизнь за творчество, Родину и прогресс. Традиции самарских писателей и журналистов корнями уходят в ту далекую эпоху. У истоков свободы слова Среднего Поволжья стоят русские интеллигентно-разночинцы, не торговавшие убеждениями и через всю жизнь пронёсшие свой крест ответственности за всё сказанное и написанное. Их фельетоны, сатирические очерки, стихи и рассказы формировали в регионе новое мышление, прогрессивную мораль, боролись с косностью, ретроградством и мракобесием. Духовное освобождение, которое нёс в себе Серебряный век, открывало для молодёжи новые горизонты будущего. Писатели вспыхивали как яркие звезды на волжском небе.

Властителем дум в то время в Самаре был Николай Георгиевич Гарин-Михайловский, повестями которого зачитывались местные гимназисты и студенты Реального училища, среди них значился в то время юный Алёша Толстой. Популярностью пользовались писатели Скиталец (Степан Гаврилович Петров) и Александр Александрович Смирнов. Последний оставил несколь-

ко ярких очерков о Чехове и Леониде Андрееве под псевдонимом Треплев. Творчество на Средней Волге бурлило и выходило, как Волга из берегов в половодье.

Быстро в это яростное время литературную известность приобрел Александр Константинович Клафтон, чьи очерки, рассказы и фельетоны будоражили общественность. Судьба случайно забросила этого молодого талантливого человека в наш город. Он, купеческий сын, учился в Казанском университете на медицинском факультете, готовясь стать земским врачом. Однако участие в марксистском кружке, а также свободолюбивые высказывания на студенческих митингах сыграли роковую роль. В июне 1894 года по требованию жандармского управления политически неблагонадёжный А. Клафтон был выслан в Самару. Молодому человеку пришлось в корне менять свою жизнь. Встал вопрос, как заработать на кусок хлеба.

Богатая, быстро развивавшаяся Самара в то время представляла приют многим вольнодумцам. При устройстве на работу здесь не интересовались политическими убеждениями, главным аргументом являлись образованность, знания и сила интеллекта. Александр устроился журналистом в газету «Самарский вестник», которую издавал член губернской земской управы дворянин Реутовский. Под крылышком влиятельного лица в редакции сложился целый кружок молодых марксистов, куда помимо Клафтона вошли также Григорьев, Чириков, Циммерман и другие. Поклонники знаменитого автора «Капитала» полагали, что Россия страдает не от капитализма, а от недостаточности его развития. Отсюда они делали вывод, что любые ростки рыночных отношений есть благо. Молодые корифеи пера видели прогресс в развитии финансового банковского дела Самары, восхищались быстрыми темпами становления высокотехнологичных производств: что ни год – то два, три новых завода, и вся продукция, конвертируемая на мировом рынке. Именно этим писателям принадлежит крылатая фраза, что Самара – это русское Чикаго по темпам экономического роста.

В это время в «Самарской газете» работал ещё мало кому известный мещанин Алексей Пешков. Он не признавал за капитализмом ничего прогрессивного и в своих фельетонах клеймил не только язвы рыночных отношений, но и всю самарскую жизнь в целом. Блестящие особняки, построенные в стиле модерн, он называл серыми, сутулыми, вычурно бесполезными, городских жителей величал не иначе, как серыми маленькими людишками,

капиталистов показывал маньяками и кровопийцами. Более того, Алексей Пешков заявлял, что российская культура похожа на корабль, который тонет, а современное искусство загнивает и страдает упадничеством. За свои нигилистические рассказы он получал по 150 рублей в месяц, что по нынешнему курсу составляет около 4 тысяч долларов США. Такие суммы не снижали критического накала бойкого пера начинающего писателя.

В результате возник конфликт между двумя этими точками зрения, а именно между позицией ницшеанца Пешкова-Горького и либерала-прогрессиста Клафтона, наоборот, восхищавшегося теми грандиозными сдвигами, которые происходят как в экономике, так и в культуре. Один литератор видел в том же самом явлении смерть, а другой – свободу и надежду. Раскол приобрёл общественный резонанс. Алексей Пешков так писал о своих оппонентах: «Вы представьте себе несколько молокососов-дилетантов, якобы руководящих общественным мнением и от сознания важности исполняемых ими задач – надутых и гремящих, как свиные пузыри с горошинами...».

Конфликт достиг такой силы, что пришлось вмешиваться известному писателю В.Г. Короленко. Тот считался мэтром и учил работать как самого Пешкова, так и его противника Клафтона с коллегами. В.Г. Короленко направил из Нижнего Новгорода Алексею Пешкову письмо, где довольно жёстко указал, что нельзя переходить с политических споров на личности, а также не стоит возноситься над другими людьми. Он учил молодого зазнайку: «...Надо оставить всем мелкие счёты и смотреть на полемику как на вещь очень серьёзную, которую всегда надо направлять лишь туда, где она нужна по существу дела...». В ответ А. Пешков написал: «Я зол, как зверь, и неприличен в полемике с “Вестником”... Сегодня вызову Клафтону на дуэль». Алёша ненавидел Александра биологически, чувствуя в нём своего антипода. Много позже, в августе 1933 года пролетарский писатель вспоминал: «Клафтон – молодой щёголь, английского типа, таков же и Керчикер. Оба они вместе с Валле де Баром вели довольно “весёлую жизнь” купно с купеческой молодёжью... Они казались мне слишком высокомерными и – “прильпе² учение разуму, не возжгло сердца их». Вероятно своё представление о личности А.К. Клафтоне писатель реализовал в литературном образе интеллигента Клима Самгина. В жизни всё, однако, много сложнее.

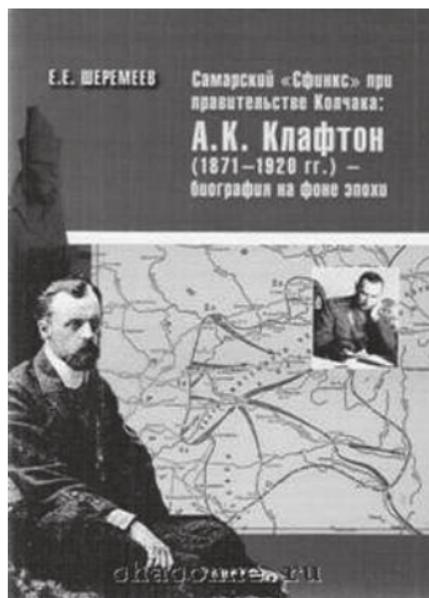
² Прильпе – от глагола прилипнуть. (Прим. ред.)

Максим Горький в характеристике реальных людей явно кривит душой. Не было у Клафтона холодного сердца, да и раздражала пролетарского писателя в этом человеке не внешность английского денди, а твёрдая жизненная позиция. Александр Константинович был сторонником английского парламентаризма, американского либерализма и французской свободы слова. За всю свою жизнь, пройдя через многие тернии, он ни на йоту не изменил своим взглядам, в отличие от самого Максима Горького.

А.К. Клафтон под псевдонимом «Сфинкс» публиковал статьи, где говорил о необходимости развития земства, о проведении грамотной социальной политики. Ради этого он пошёл работать секретарём губернской земской управы и даже получил нижний чин коллежского регистратора в соответствии с российским табелем о рангах. Не личная карьера волновала журналиста и писателя, а беспокойство за судьбу Отечества. Александр Константинович осознавал, что любые революционные изменения в стране приведут лишь к русскому бунту, бессмысленному и беспощадному. Когда 17 октября 1905 года царь издал свой судьбоносный Манифест³, Клафтон понял, что пришло его время как политика.

19 октября в здании биржи, что на Вознесенской (Ст. Разина) собрался на своё первое заседание комитет общественной безопасности. В него вошли: купцы А.Г. Курлин, Н.Д. Батюшков, М.С. Афанасьев, В.И. Александров, журналисты В.В. Ветров, В.В. Меркулов, писатель А.К. Клафтон, юрист А.Г. Елшин, представитель чиновничества Н.А. Гладыш и другие. А. Клафтон заявил, что Манифест есть первый шаг к созданию гражданского общества и необходимо начать заниматься партийным строительством, при этом необходимо бороться с экстремизмом. В последних словах звучала тревога, так как большевики призывали бойкотировать выборы в Государственную думу и выступали с лозунгами: «Долой монархию» и «Да здравствует вооружённое восстание».

³ Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) (Прим. ред.)



5 марта 1906 года под председательством А.К. Клафтона в клубе приказчиков прошло собрание жителей по поводу выборов в Госдуму. Александр Константинович с трибуны дал открытый бой провокаторам-экстремистам, которые называли выборы делом черносотенным, непотребным для порядочных людей. Клафтон заявил, что не строй надо свергать, а планомерно бороться за улучшение жизни трудового народа, не с царём нужно счёты сводить, а своего работодателя на место ставить. К этому времени Александр Константинович стал убеждённым сторонником партии конституционных демократов. Самарские кадеты собирались на Дворянской, 112. Клафтон принимал участие во всех начинаниях партии, писал в кадетскую газету «Самарский курьер», выступал с докладами в клубе политических знаний, действовавшим в доме Назарова на Алексеевской площади. Здесь возникла идея создания общества народных университетов для проведения лекций среди широких слоёв самарцев.

Александр Константинович проявил недюжинный организаторский талант, проводя встречи с известными столичными учёными то в Пушкинском народном доме, то в здании Общественного собрания, то в цирке «Олимп». Профессор Н.В. Некрасов рассказывал об истории русского либерализма, Н.А. Гладыш – о деятельности Государственной думы, В.А. Ястребцов выступил с докладом «Атомы и сознание»...

А.К. Клафтон участвует в разработке кадетской муниципальной программы для города Самары, где говорилось: «обучение общедоступное, бесплатное и обязательное... учебные пособия бесплатные, снабжение детей бесплатными горячими завтраками... образцовые бесплатные детские сады и ясли... бесплатная медицина и лекарства для нуждающихся... бесплатные похороны за счёт города... дешёвый общественный транспорт, доступные всем коммунальные услуги – электричество, водопровод, канализация...».

После февральской революции А.К. Клафтон резко усилил свою политическую деятельность, стал редактором либеральной газеты «Волжский день». Он также вошёл в состав самарского общественного третейского суда, наряду с Н.А. Хардиной и несколькими юристами. В августе 1917 года его соратник по кадетской партии А.Г. Елшин записал в дневнике такие строки: «В четверг 10 августа 1917 года я выехал пол. третьего в Москву на Государственное совещание в качестве делегата от общественных организаций. Другим делегатом был Клафтон, уехавший ранее».

Александр Константинович в это политическое время не забывал о нуждах самарцев. Он получил от Временного правительства разрешение на открытие университета в нашем городе, где заботился о создании литературного факультета.

После большевистского переворота газета «Волжский день» была закрыта. Клафтон встал в открытую оппозицию к новому режиму. Он помогал составлять нелегальные листовки, разъясняющие суть «ленинских декретов». Разгон Учредительного собрания привёл Александра Константиновича в ряды подпольной антисоветской организации, возглавлявшейся полковником Н.А. Галкиным и ставившей целью свержение коммунистов. Вместе с П.Д. Климушкиным и Б.К. Фортунатовым, он готовил восстание солдат самарского гарнизона. После вступления в июне 1918 года в город чехословацких войск, А.К. Клафтон вышел из подполья и участвовал в создании правительства Комуча⁴.

Как профессиональный журналист и писатель, он отвечал за создание прессы, отражавшей взгляды Поволжского правительства. Возобновилось издание газеты «Волжский день» под его редакцией. Читаем: «11 августа 1918 года. По распоряжению Самарского окружного суда проводилось расследование “хищения советской властью при оставлении Самары денег из госбанка (похищено 57 миллионов золотом в 1900 мешочках)”. 7 сентября 1918 года Комитет членов Учредительного собрания установил 8-часовой рабочий день при 6-дневной рабочей неделе на всей территории Учредительного Собрания...». При поддержке Александра Константиновича, ратовавшего за высшее образование самарской молодёжи, 26 сентября вышел первый номер журнала «Дом учащегося юношества».

После разгрома Народной армии Комуча А.К. Клафтон уехал в Сибирь, где возглавил прессцентр при Верховном правителе России А.В. Колчаке. Весной 1920 года самарский журналист, писатель и общественный деятель Александр Константинович Клафтон был расстрелян по распоряжению Чрезвычайной комиссии. Он не отрёкся от либеральных убеждений и заплатил за это собственной жизнью. В книге памяти самарских журналистов и литераторов его имя следует записать одним из первых.

Самара

⁴ **Комуч** – Комитет Членов Учредительного собрания - правительство, созданное в Самаре 8 июня 1918 г., после захвата города чехами. первоначально состоял из 5 членов Учредительного собрания (председатель – эсер В.К. Вольский) Цит. dic.academic.ru (Прим. ред.)